

УДК 821.161.1-32

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОНЦЕПТА СУДЬБА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА

С. А. Ефремов

Тверской государственной университет

кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

На примере творчества И. С. Шмелёва автор обосновывает тезис о сохранении в концепте *судьба* этимологического значения Божьего суда. Установлено, что объединяющим началом представлений о судьбе и суде Божьем стали категории непредсказуемости и непознаваемости, вины (греха) и возмездия.

Ключевые слова: *И. С. Шмелёв, судьба, суд Божий, грех, наказание, концепт, этимология*

Результаты научных изысканий отечественных филологов И. И. Срезневского, А. Г. Преображенского, П. Я. Черных и др. говорят о том, что самые первые представления русского народа о судьбе были связаны с понятием суда: «Характерна этимология русского слова "судьба", находящая аналогии во многих языках: судьба есть "суд", "приговор"» [2, с. 158]; в древнерусском языке слово *судьба* чаще всего употреблялось со значением *суд, правосудие, приговор, суд Божий* [16, с. 216]; «в славянском тексте везде вместо слова "судьба" стоит "суд"» [11]. Как светские, гражданские суды толкуется выражение *судьбы людские* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [13, с. 272–273]. Этот же словарь содержит большое количество примеров тождественности лексем *суд* и *судьба*, при этом *судьба* чаще всего ассоциирована с судом Божьим. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слово *судьба* имеет основное толкование *суд* и ряд связанных с ним значений, непосредственно относящихся к идее божьего суда: *приговор, правосудие, судилище* [14, с. 608]. Сюда же вошло и слово *предопределение*, также идущее от христианства. Весь синонимический ряд и примеры, приводимые Срезневским, подразумевают не столько земной, человеческий суд, сколько высший, божий, который по определению является и самым справедливым: Бог «воздаёт каждому по пути его и по плодам дел его» (Иер. 17: 10). К аналогичным выводам об этимологии славянского по происхождению слова *судьба* пришёл А. Г. Преображенский [10, с. 413].

Понимание судьбы как суда оказалось настолько устойчивым, что автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. В. Даль слово *судьба* не выделил особо, а включил его объяснение в словарную статью «Судить», приведя при этом многочисленные примеры употребления данной лексемы в значении *суд, судилище, судбище* и *расправа* и обширный ряд синонимов: «Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения; что *суждено* (здесь и далее сохранены особенности цитируемого текста – С. Е.), чему *суждено* сбыться или быть» [5, с. 365], а также «*Суд Божий, рок, судьба; женитьба; поединок, испытанье огнём и пр.*» [5, с. 365].

Обращает на себя внимание контекст, в котором употребляется слово *судьба*. Все указанные словари оперируют примерами, свидетельствующими о прочной связи понятия о судьбе с высшей силой, причём она однозначно толкуется как

Бог: «Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом»; «Ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату, суда Божьего не миновать» [5, с. 364; ср.: 15, с. 54]. Убежденность в неотвратимости божьего суда отождествляет его с понимаемой в философском смысле судьбой, для которой «непостижимая предопределённость» [1, с. 663] является главнейшим концептообразующим признаком.

Употребление слова *судьба* в сакральном значении – одно из традиционных, что отмечено В. В. Далем: «*Судьбы* ж. мн. и *суды* м. мн. провиденье, определенье Божеское, законы и порядок вселенной, с неизбежными, неминуемыми последствиями их для каждого»; «*Страшный суд*, всемирный, ожидаемый во второе пришествие Господа» [5, с. 365]. Следует отметить, что в третьем издании словаря В. В. Даля, вышедшем под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртенэ в 1909 г., слово *судьба* уже выделено в отдельную статью, однако при этом было существенно сокращено количество примеров, свидетельствующих о религиозном смысле данной лексемы [6].

Известно, что «концепт содержит ”общую идею“ явлений данного ряда в понимании определённой эпохи» [7, с. 38]. Анализ этимологии слова *судьба* убеждает в том, что одной из таких «общих идей явлений данного ряда» в менталитете средневекового человека была идея божьего суда. Упоминаниями божьего суда изобилуют жития святых, русские летописи и другие памятники письменности: «Тема ”казней божиих“ активно звучала... в русских летописях XI–XIV вв.» [9, с. 90]. Очень ярко этот библейский мотив выражен в народном сознании, что закреплено во многих пословицах и поговорках, духовных стихах, притчах и легендах. Народное православие черпало знания о Страшном суде из обыденной церковной жизни, из проповедей священников, из росписи храмов, которые «напоминали о Вселенной, её истории – Ветхом и Новом завете, о будущем человечества – конце мира и Страшном суде» [9, с. 66]. Сцена Страшного суда традиционно изображалась на западной стене православного храма и, безусловно, производила сильное впечатление на верующих. Это находило отражение и в художественном творчестве. Например, кузнец Вакула в повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» «на церковной стене в правом притворе... изобразил ...святого Петра в день страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа» [4, с. 203]. Церковные росписи с изображением Страшного суда неоднократно упоминаются в произведениях И. С. Шмелёва: «Идут к церкви... Бегло оглядывают стенную живопись, работу будто бы крепостного человека. Да, недурно, особенно Страшный суд: деревенские лица, чуть ли не в зипунах» [18, т. 1, с. 408]. В диалогии «Лето Господне» и «Богомолье», в этой подлинной энциклопедии русской народно-православной жизни, представление о Страшном суде у юного Вани формируется под влиянием наглядных изображений: «В большом соборе смотрим на Страшный суд – написано во всю стену. И страшно, а не оторвёшься» [18, т. 4, с. 570].

Важность идейной роли Страшного суда в романе «Лето Господне» подчёркивается на композиционном уровне. Принцип кольцевой композиции, по которой строится произведение, в развитии мотива Страшного суда выражается особенно ярко. Впервые этот мотив появляется в начале повествования, в главе «Ефимоны» (вторая от начала), где духовный наставник пятилетнего Вани церковный староста Горкин объясняет мальчику смысл вечерней великопостной службы: «Стоять надо... Потому, как на Страшном Суду стоишь. И бойся! Потому – их-фимоны» [18, т. 4, с. 15]. О Страшном суде Ваня уже знает по картинке, которая «висит у Горкина на стене с иконками» [18, т. 4, с. 16], он с детским любопытством интересуется

её содержанием: «Там и звери, и птицы, и крокодилы, и разные киты-рыбы несут в зубах голых человек» [18, т. 4, с. 16]. Переживание ужаса перед Страшным судом, перед потусторонним наказанием сменяется у Вани новыми ощущениями, возникающими в особое, сакральное время – в Вербное Воскресенье. К нему приходят успокоенность, вера в бессмертие человеческой души и справедливость Господа: «Вот придёт день Страшного Суда, и тогда все воскреснут, как Лазарь» [18, т. 4, с. 302]. Это подтверждает и Горкин: «Понятно, всё воскреснет... <...> Все и подымутся. <...> Как земля кончится, небо тогда начнётся, жизнь вечная» [18, т. 4, с. 302]. Горкинская мудрость, что у «Господа ничего не пропадет» [18, т. 4, с. 302], помогает мальчику пережить страшную потерю – смерть отца. В одной из завершающих роман «Лето Господне» главе «Кончина» (соблюдая принцип симметрии, Шмелёв помещает её второй от конца) Ваня прежде всего думает о том, что ждёт отца после смерти, переживает его кончину не как прекращение жизни, а как опасный и неведомый путь к последнему суду: «Я узнаю знакомую молитву, какую поют в Великом Посту, – "Душе моя, душе моя... восстани, что спиши? конец приближается..."». И что-то про чёрную ночь, смертную и безлунную... и о последней трубе Страшного Суда. Мне страшно, я вспоминаю-вижу картинку, как *отходит* (здесь и далее в цитатах выделено авт. – С. Е.) Праведник» [18, т. 4, с. 423].

Мотив Страшного суда становится одной из важнейших доминант романа И. С. Шмелёва «История любовная»: «Я часто бывал у Троицы и видел в соборе картину во всю стену: "Страшный Суд". В огненных языках в аду тянулся по всей стене, извиваясь жирными кольцами, чёрно-зелёный Змий. В жутких его извивах терзались грешники. Все они были голые, раскалённые докрасна в огне. И по всему Змию адскому обвивалась беловатая грамота, на которой чёрными буквами стояло: "воровство", "сребролюбие", "убийство", "пианство", "сквернословие", "блуд"... – все грехи» [18, т. 6, с. 193], – говорит главный герой произведения юный гимназист Тоня. Этот мотив рефреном проходит через всё повествование, вызывая у мальчика нуменозные чувства: «Слово – *грех* – являлось для меня живым и страшным. "Страшный Суд", у Троицы, в соборе... *Грех*... Его я видел. Он был зелёный, в чёрных пятнах, *Змий*, огромный, в толстых кольцах, в чёрных и красных языках огня» [18, т. 6, с. 202].

Неизбежность Страшного суда, неспособность человека переменить выший и последний вердикт земной жизни уподобляет суд судьбе, от приговора которого также уйти невозможно: «Именно в апокалиптических образах Страшного Суда можно усмотреть сильнейшее скрытое наследие, связанное с мифологией древней Судьбы в её неотразимо карающем лике. Сам мотив суда тянется из языческой мифологии: и Мойры, богини судьбы, считались дочерьми Фемиды (в некоторых изводах древнегреческого мифа), и на суде Озириса в загробном царстве взвешивается сердце умершего, дабы определить меру его добрых и злых качеств и деяний» [12, с. 30].

Сближает Страшный суд с судьбой не только конечный результат (приговор), но и причины приговора, его обоснованность, то есть наличие вины, или, по христианским догматам, греха, в котором повинен сам человек. Это краеугольный камень в осмыслении русской судьбы, основа основ народной морали, «один из главных концептов христианской этики» [15, с. 9]. «Грязный, поганый *Грех*» [18, т. 6, с. 222], представляющий собой «нарушение установленного Богом нравственного закона» [3, с. 431], является неотъемлемой составляющей традиционного

для христианской картины мира понятия о Страшном суде, что нашло отражение в творчестве И. С. Шмелёва, стало одной из главных тем писателя.

В письме О. А. Бредиус-Субботиной от 10 января 1946 года Шмелёв приводит известные строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Зелёный шум»: «Люби, покуда любится... Терпи, покуда терпится, Прощай, пока прощается... – И... Бог тебе Судья!» [17, т. 2, с. 385]. Примеры подобного рода можно обнаружить во многих произведениях писателя, в его обширной переписке и публицистике: «Что пастыри! всегда и всюду были – больш<инст>во – плохие пастыри... недаром столько, в митрах, – на картинах у греков, – и у нас – над западными дверями, – ”Страш<ный> Суд“... – столько в митрах подвигаются, обмотанные цепью, туда, в квартиру с отоплением и освещением» [8, с. 84].

В романе И. С. Шмелёва «Пути Небесные» наивно-детские страхи перед Страшным судом юных героев «Истории любовной», «Лета Господня» и «Богомолья» сменяются более глубокими, более выстраданными чувствами, которые испытывает Дарья Королёва, стыдясь своих греховных помыслов и желаний. Это уже не простонародный или детский ужас, животный трепет перед живописным изображением и воображаемыми муками. Шмелёв значительно усложняет мотив неминуемой расплаты за грех, усиливает его христианское звучание. И уже не традиционное изображение мучений грешников в аду, показанное в романе «Богомолье»: «Толстый зелёный змей извивается к огненной геенне, и на нём все грехи прописаны, и голые грешники, раскалённые докрасна, терзаются в страшных муках; а эти, с пёсыми мордами и с рогами, насакакивают отовсюду с вилами» [18, т. 4, с. 570], – а гораздо сильнее переживаемое, непосредственное соприкосновение с присутствующими в этом мире тёмными силами заставляет трепетать Дарью Королёву. «Тошный» сон, который она увидела после Рождества, воочию, наглядно показал ей овеществлённый, материализованный, её личный грех. Здесь грех облекается в материальную, зримую форму, персонализируется в омерзительном существе, и это переживается героиней намного острее, чем обобщённо-символические библейские страдания. Этот ниспосланный свыше сон-предупреждение, сон-пророчество заставляет Дарью Ивановну вспомнить о страшном наказании, которое ждёт грешников, задуматься о своём будущем и о своей судьбе – не столько земной, сколько инобытийной.

Важнейший аспект темы божьего суда связан с проблемой теодицеи – страданием невинных. Вопрос: «Где Бог, когда я страдаю?» – один из древнейших в христианской религии, он поставлен в ветхозаветной «Книге Иова», его пытались решить многие пророки, деятели церкви, философы и писатели. Он особенно обострился в литературе конца XIX века, но во всей полноте заявил о себе в веке XX – в эпоху глобальных войн, революций и насилия. И. С. Шмелёв, будучи писателем православным, христианским, не мог уйти от попыток его решения, он постоянно говорил и о страдании отдельного человека, и о своей боли за всю страдающую Россию: «Страдание за *что*, или во-имя *чего* даётся? ”оправдание страдания“ – это вопрос – из ”вечных“» [17, т. 1, с. 486]. Тема теодицеи одна из основных в его творчестве, причём ответ на вопрос о причинах человеческих страданий писатель искал не в традиционном объяснении «все люди грешны изначально через грехопадение Адама и Евы», а в свете теории соборной ответственности Вл. С. Соловьёва. О принципиальном различии этих двух подходов Шмелёв не раз говорит в своих письмах: «Тут не Иовово ”испытание“, тут – уже подлинный Суд за – *всё*» [17, т. 2, с. 282-283]. Вполне определённо эта мысль оформлена в рассказе «Куликово поле»: «Это теперь наш Иов на гноище. Библейский вёл тяжбу с Бо-

гом, *о себе*, а наш Иов мучается *за всех и за вся*» [18, т. 2, с. 169]. Отсюда и шмелёвская попытка объяснить революцию с точки зрения всеобщей ответственности русской либеральной интеллигенции, как следствие нравственного падения всего просвещённого общества, и особенно его «неразумных пастырей», что, однако, не снимает ответственности и с самого народа, соблазнённого дьявольскими посулами. Значительная часть переписки, фактически вся эмигрантская публицистика и вершинные произведения – «Солнце мёртвых», «Няня из Москвы», «На пеньках» и другие – убедительно говорят об этом.

Неминуемая и неумолимая расплата, возмездие за нарушение нравственных, христианских законов, в чём заключается главная суть божьего суда, ждут каждого, и в этом есть определённое сходство с языческим роком, однако принципиальная разница между божьим судом и роком заключается в том, что рок бессмыслен и беспощаден, а божий суд справедлив и милостив. Таким образом, в русский концепт судьбы уже в момент его происхождения была заложена этическая составляющая, которая явно выражена в произведениях И. С. Шмелёва и других писателей.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Судьба // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 663–664.
2. Аверинцев С. С. Судьба // Философская энциклопедия: В 5 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. С. 158–159.
3. Васильев П. П., Андреев И. Д. Грех // Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993–1995. С. 430–433.
4. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 1: Ганц Кюхельgarten. Вечера на хуторе близ Диканьки. 1940. С. 201–243.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: С–V. СПб.; М.: Изд-е М. О. Вольфа, 1882. 704 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: С–V. М.: Изд-е М. О. Вольфа, 1903–1909. 853 с.
7. Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: Деком, 2001. С. 38–53.
8. Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947–1950). М.: Русская книга, 2000. 528 с.
9. Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Худож. литература, 1987. С. 3–164.
10. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: В 3 т. Т. 2: П–С. М.: Типогр. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. 617 с.
11. Святитель Николай Сербский. Миссионерские письма. Письмо 184. Томе С., о «судьбе». [Электронный ресурс] // Православие и современность. Электронная библиотека. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolay/letters/letters.pdf> (Дата обращения: 10.09.2014).
12. Семёнова С. Г. *Odiūm fati* как духовная позиция в русской религиозной философии // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука. 1994. С. 26–33.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975. Вып. 28: (Старичекъ – Сулебный). 2008. 303 с.
14. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р–Я. СПб.: Тип. Императорской АН, 1903–1912. 1684 стб., доп. 272 стб., 13 с.

15. Толстая С. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М.: Пробел, 2000. С. 9–43.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М.: Русский язык, 1999. 560 с.
17. Шмелёв И. С. и Бредиус-Субботина О. А.: Роман в письмах: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003–2004. Т. 1. 2003. 760 с. Т. 2. 2004. 856 с.
18. Шмелёв И. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Известия, 2010–2011. Т. 1: Солнце мёртвых: Повести. Рассказы. Эпопея. 2010. 688 с. Т. 2: Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. 2010. 600 с. Т. 4: Богомолье: Романы. Рассказы. 2011. 640 с. Т. 5: Пути небесные: Роман. 2011. 488 с. Т. 6: История любовная: Романы. Рассказы. 2011. 640 с.

ETYMOLOGICAL HERITAGE OF THE CONCEPT OF FATE IN THE WORKS OF I. S. SHMELEV

S. A. Efremov

Tver state University

The department of philological basics of publishing and literary creation

On the example works of I. S. Shmelev the author substantiates the thesis of preserving the concept of the fate of the etymological meanings of God's judgment. It is established that brings together early-scrap ideas about fate and judgment of God came in the category of unpredictability and direct savemode, guilt (sin) and retribution.

Key words: *I. S. Shmelev, fate, judgment of God, sin, punishment, concept, etymology*

Об авторе:

ЕФРЕМОВ Сергей Анатольевич – соискатель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina_efremova_tver@rambler.ru.